

ISSN 0235-0041

**АХБОРОТИ АКАДЕМИЯИ ФАНҲОИ РСС
ТОЧИКИСТОН**

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР

СЕРИЯИ ШАРҚШИНОСӢ, ТАҶРИХ, ФИЛОЛОГИЯ

СЕРИЯ: ВОСТОКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИЯ,
ФИЛОЛОГИЯ

4

1989

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Р. МУСУЛЬМАНКУЛОВ

«БЕДОРТУРК» ИЛИ «БЕДОРТАРАК»?

Здесь будут рассмотрены два отрывка, а именно-начало и конец известной поэмы Низами Ганджави «Лайлию Маджнун», а также их переводы и комментарии.

В разделе поэмы «Причина сочинения книги» («Сабаби назми китоб») Низами приводит письмо Ахсатона Шерваншаха, указавшего поэту написать поэму о трагической любви Маджнуна и Лайли. В письме приводятся, в частности, два байта:

Туркӣ - сифати вафои мо нест.
Туркона сухан сазои мо нест,
Он, к-аз насаби баланд зояд,
Ўро сухани баланд бояд.¹

Первый научный перевод данного отрывка на русский язык принадлежит советскому ученому Евгению Эдуардовичу Бертельсу:

Верность наша не отличается тюркскими свойствами,
[поэтому] на тюркский лад слова нам не подобают.
Тому, кто родится из высокого рода.
нужны и высокие слова.²

Почти так же перевел этот отрывок и таджикский ученый, профессор Саадулло Асадуллоев:

---

¹ Низомии Ганҷавӣ. Куллиёт, ч. 2. Лайлӣ ва Маҷнун. Ба чоп тайёркунанда, муаллифи сарсухан ва мураттиби лугату тавзехот А. Афсаҳзод-Душанбе: Ирфон, 1982, с. 49.

² Бертельс Е. Э. Низами и Фузули. - М., 1962, с. 235.

Верность наша не отличается тюркскими свойствами.
Тюркские свойства нам не подобают.
Тому, кто родится из высокого рода,
Нужны и высокие слова.³

Сочетание “туркона сухан” переведено С. Асадуллоевым так же, как и выражение туркӣ-сифатӣ, т. е. тюркские свойства.

Известный азербайджанский иранист, сделавший многое в подготовке и издании научно-критических текстов персидско-таджикской классической литературы, профессор Рустам Алиев при переводе поэмы Низами “Лайлию Маджнун” на русский язык, туркӣ-сифатӣ перевел как тюркство: Данный перевод больше соответствует оригиналу.

Тюркство не свойственно нашей верности,
[И потому) тюркоподобные слова нам не подобают.
Тому, кто из высокого рода,
Нужно высокое слово.⁴

Имеются поэтические переводы отрывка, которые также, по нашему мнению, не далеки от оригинала. Например, переводы Павла Антокольского и Татьяны Стрешневой:

Но к тюркским нравам непричастен двор,
Нам тюркский неприличен разговор.
Раз мы знатны и саном высоки,
То и в речах высоких знатоки.⁵

(Пер. П. Антокольского)

Мы во дворце не терпим тюркский дух,
И тюркские слова нам режут слух.

³ Асадуллоев С. “Лайли и Маджнун” в фарсиязычной поэзии. - ч. 1. - Душанбе: Дониш, 1981, с. 57.

⁴ Низами. Лейли и Меджнун / Пер. с фарси, пред. и комм. Р. Алиева.-Баку: Элм, 1981, с. 54.

⁵ Низами. Стихотворения и поэмы. - М.: Советский писатель, 1981, с. 301.

*Песни для того, кто родом знаменит,
Слагать высоким слогом надлежит.⁶*

(Пер. Т. Стрешневой)

Эти два байта, однако, комментируются учеными - литературоведами совершенно по-разному. Видный иранский литературовед Вахид Дастварди считает, что Ахсатон противопоставляет себя турку-султану Махмуду, обманувшему Фирдоуси после написания ими эпопеи «Шахнаме» и подчеркивает свое высокое происхождение, отличающееся честностью, добросовестностью, великодушием и др.⁷ Е. Э. Бертельс справедливо отклонил это мнение на том основании, что в предыдущих байтах отрывка отсутствует обещание Ахсатона о богатом вознаграждении Низами за поэму. Е. Э. Бертельс упоминает еще об одном комментарии: «Шах утверждает, что он лучше соблюдает обещание, чем тюрки, и потому заявляет, что подносить ему стихи на тюркском языке не уместно».⁸ Е.Э. Бертельс вообще считает комментарии излишними. Он заключает, что данные два байта просто интерполированы, т.е. являются либо позднейшим добавлением переписчика, либо другого любителя поэзии.⁹ Устойчивая стилистическая связь приведенного отрывка с остальной частью поэмы опровергает данное предположение.

Комментарию вышеприведенного отрывка уделила внимание группа ученых и литераторов Азербайджана. Так, мнения прозаика Мамеда Ордубады, ученого-педагога М.А. Мурадханова, академика Гамида Арасли, литературоведа Мамеда Арифа¹⁰ сводятся к тому, что Низами явно намеревался писать поэму на своем - азербайджанском - языке, но этому помешал Ахсатон, пожелавший, чтобы поэма была

⁶ Низами. Собр. соч. в пяти томах, т. 3. Лейли и Меджнун.-М.: Художественная литература, 1986, с. 30-31.

⁷ Подробнее см.: Бертельс Е. Э. Низами и Фузули, с. 235.

⁸ Бертельс Е.Э. Низами и Фузули, с. 236.

⁹ Там же, с. 237.

¹⁰ См.: Ордубады М. С. Азербайджанская литература эпохи Низами // Низами. - Баку, 1941, с. 20; Мурадханов М. А. Педагогические высказывания Низами.-Баку, 1947, с. 91; Арасли Г. Низами Гянджави и его творчество / Доклад на сессии АН Азербайджанской ССР, посвященной 800-летию Низами Гянджави. - Баку, 1947, с. 10-11; Ариф М. История азербайджанской литературы (краткий очерк).- Баку, 1971, с. 19.

написана на персидском языке.¹¹ Писатель Мирза Ибрагимов в предисловии к филологическому переводу поэмы на азербайджанской языке подчеркивает, что указание шаха Ахсатона написать поэму не на родном азербайджанском языке поэта, а на чуждом обидело великого Низами.¹² Подобного мнения придерживается в своих комментариях и профессор Мубариз Ализаде, сделавший этот перевод.¹³

Итогом всех дискуссий о вышеупомянутых строках Низами стало предисловие «Низами и его поэма «Лейли и Меджнун» профессора Рустама Алиева к изданию филологического перевода поэмы Низами на русском языке. Р. Алиев, в частности, пишет: «Другие исследователи (т. е. В. Дастанди и Е.Э. Бертельс.- Р.М.) отмечали, что здесь Ахсатон намекает на известную легенду о султане Махмуде и поэте Фирдоуси, которому «неотесанный тюрок» не заплатил обещанной им награды за эпопею «Шах-наме».¹⁴ Подобное предположение, высказанное впервые В. Дастанди, было Е. Э. Бертельсом отвергнуто.

Р.М. Алиев считает, что в данном комментарии «есть доля правды», ибо за поэму «Хусраву Ширин», которая была преподнесена атобаку Джахон-пахлавону и «была принята с большим сердечным одобрением», обещано огромное вознаграждение, «но, к сожалению, Джахон-пахлавон постоянно находился в походах, и по вине чиновников поэт ничего не получил».¹⁵ Р. Алиев уверенно заключает: «Возводивший свой род к «высокой» древнеиранской династии Сасанидов, кичившийся своим происхождением и ненавидевший тюрков, Ахсатон I решил воспользоваться этим обстоятельством и выместить злобу на своих политических противниках».¹⁶ Не отвергая полностью политических мотивов, все же мы склонны считать, что здесь речь идет именно о качественных отличиях языков персидского, отшлифованного уже многовековым опытом, и тюркского, еще не успевшего получить свою разработку. Уместно вспомнить слова Е.Э. Бертельса, который не без

¹¹ Подробнее см.: Асадуллоев С. «Лайли и Маджнун» в фарсиязычной поэзии, с. 58.

¹² Низами. Лејли ве Мечнун. Филоложи терчуме, изәнлар ве гејдлер проф.М. Елизадениндир. - Баку: Элм, 1981, с. 6—7.

¹³ Там же, с. 264.

¹⁴ Низами Гянджеви. Лейли и Меджнун / Пер. с фарси, пред. и комм. Р. Алиева, с. 9.

¹⁵ Там же, с. 9.

¹⁶ Там же, с. 10; 351.

основания писал: «В Средней Азии в XII в. литературные тюркские языки уже успели сложиться, но для Закавказья у нас в этом отношении никаких указаний нет».¹⁷ Трудно не согласиться с С. Асадуллоевым, который считает, что в байке «Турки-сифати...» речь идет лишь «о поэтическом стиле, не более».¹⁸

В доказательство обиды Низами от принуждения Ахсатона написать поэму не на его родном языке Р. Алиев приводит отрывок из названной поэмы Низами, следующий за приведенными двумя байками:

Чун ҳалқаи шоҳ ёфт гӯшам,
Аз дил ба димоғ рафт ҳушам.
На заҳра,
ки сар зи хат битобам,
На дида, ки раҳ ба ганҷ¹⁹ ёбам.
Саргашта шудам дар он хичолат
Аз сустии умру забфи ҳолат.
Кас маҳрам на, ки роз гӯям
В-ин қисса ба шарҳ бозгӯям.²⁰

Когда кольцо шаха дошло до моих ушей,
Сознание подскочило из сердца к устам.
Не было у меня силы, чтобы отказаться,
Не было и зорких глаз, чтобы добраться до такого
сокровища (добраться до уголка - Р.М.)

Погрузился я в смущение и блуждал в нем
Из-за дряхлости возраста и слабости состояния.
Не было близкого друга, с которым я мог бы поделиться тайной
И которому мог бы подробно рассказать о моих делах²¹

(Пер. Рустама Алиева)

¹⁷ Бертельс Е.Э. Низами и Фузули, с. 237.

¹⁸ Асадуллоев С. «Лайли и Маджнун» в фарсиязычной поэзии, с. 59.

¹⁹ По-нашему мнению, следует читать кунҷ (уголок), а не ганҷ (сокровище).

²⁰ Низомии Ганчавӣ. Лайлӣ ва Мачнун, с. 49.

²¹ Низами Гянджеви. Лейли и Меджнун /Пер. Р. Алиева, с. 54.

В названном предисловии профессора Р.М. Алиева утверждение о том, почему Низами написал поэму не на «родном» языке, и его обиде на письмо-указание Ахсатона подкрепляется отрывком из конца поэмы. Р. Алиев пишет: «... Низами, затаив обиду, в течение четырех месяцев написал поэму «Лейли и Меджнун». Решив ответить ширваншаху на его выпад против тюрков, он поместил свой ответ в заключении книги, чтобы сразу же не разозлить ширваншаха и заставить его прочесть поэму до конца. Обращаясь к Ахсатону, поэт говорит:

*Хотя чистое сердце и победоносное счастье
И являются твоими добрыми советчиками,
Все же и от этого советчика с божьей благодатью
Выслушай два-три слова, словно утреннюю молитву.
Посмотри, сколько голов погубил мир
И сколько царей он пережил.
Ты, бдительный шах, знающий свое дело,
Становись же [теперь], если сможешь, бдительным тюрком».²²*

(Пер. Рустама Алиева)

Далее ученый пишет: «Трудно придумать более утонченной издевки по адресу ширваншаха, чем та, которую содержит последняя строка. В расшифровке она звучит так: хотя ты поднаторел в государственных делах, но ты еще не стал человеком, ибо у тебя нет ни черт вождя, ни свойств полководца, ни достоинств богатыря, ни способностей бойца героя, ни величия души, ни мудрости, ни справедливости, ни правосудия, ни благородной внешности, ни искренности и т.д.»²³ Но в процитированном выше отрывке из поэмы, как и в его последней строке, подобных слов нет. Тем не менее автор продолжает собственную расшифровку: «В конце призыв «становись тюрком!» дан в условном контексте «если сможешь». Это свидетельствует о том, что поэт специально подчеркивал неспособность

²² Алиев Р. Низами и его поэма «Лейли и Меджнун», с. 10.

²³ Там же, с. 11.

Ахсатона стать таковым (тюрком). Более убийственного ответа на выпады Ахсатона против тюрков, пожалуй, никто, кроме Низами, не смог бы дать».²⁴

По-нашему мнению, все эти вольные расшифровки не состоятельны, хотя бы потому, что персидский язык был для Низами родным и его шуубизм совпал именно с интересами Ахсатона, а не с интересами тюрков-атобаков.

Вот что писал Низами на самом деле:

Гарчи дили поку бахти фирӯз
Ҳастанд туро насиҳатомӯз,
З-ин носеҳи нусрати илоҳӣ
Бишнав ду-се ҳарфи субҳгоҳӣ.
Бингар, ки ҷаҳон чӣ сар фишиондаст
В-аз ҷанӯз мулук боз мондаст.
Бедоршаҳӣ ба кордонӣ,
Бедортарақ шав, ар тавонӣ.²⁵

Русский перевод первых трех байтов, цитированный выше, не вызывает сомнения. Последний же байт в переводе Р. Алиева не соответствует оригиналу. В первой строке поэт писал бедоршаҳӣ ба кордонӣ, т. е. царская бдительность состоит из деловитости (умения, опыта, осведомленности...). Р. Алиев же эту строку перевел так: ты, бдительный шах, знающий свое дело. Во второй строке поэт писал: бедортарақ шав, ар тавонӣ, т. е. будь бдительнее, сколько сможешь», а переводчик перевел: становись же (теперь), если сможешь, бдительным тюрком.

В оригиналe слово «тюрк» отсутствует. Каким же образом оно возникло в переводе? По всей вероятности, слово бедортарақ (бдительнее), образованное поэтом от существительного бедор (бодрствующий) при помощи формообразующих суффиксов (+тар+ак) со

²⁴ Алиев Р. Низами и его поэма «Лейли и Меджнун», с. 11.

²⁵ Низомии Гаҷаӣ. Лайлӣ ва Мажнун, с. 269.

значением ласкательности, понято ученым как бедортурк (бодрствующий турк).

Может, в оригиналe следует читать бедортурк, а не бедортарак? Но тогда нарушается размер поэмы, канон аруза, а этого Низами допустить никак не мог.

**Таджикский госуниверситет
им. В. И. Ленина
Октябрь 1988 г.**

Р. МУСУЛМОНҚУЛОВ

«БЕДОРТУРК» Ё «БЕДОРТАРАК»

Гурӯҳи олимону адабони Ҷумҳурии Шӯравии Сотсиалистии Озарбойҷон дар асоси байти зерини ҳаким Низомии Ганҷавӣ фикрҳои

носолим гуфта, хулосае баровардаанд, ки гүё забони модарии шоири кабир туркии озарбайчонӣ буда ва ў аз супориши Ахсатони Шервоншоҳ, ки достони «Лайливу Мачнун»-ро ба порсӣ бояд навишт, оташин шуда бошад:

*Туркӣ-сифатӣ вафои мо нест,
Туркона сухан сазои мо нест.*

Профессор Рустам Алиев аз фасли «Хатми китоб ба номи Шервоншоҳ» калимаи «бедортарак»)-ро барғалат «бедортурк» тарҷума ва тафсир карда, бинои бепояи турк будани Низомиро пӯшидан хостааст, ки имкон надорад: аз тақозои вазн калимаи мазкур «бедортарак» хонда мешаваду ҳалос. Иштибоҳоти сершумори донишмандони Озарбайчон ва ҳатто Эрон ҳам дар тафсири баъзе калимаю ибораҳо, кушоиши образҳо, баёни русуми мардумӣ дар осори Низомӣ ҳақиқатеро собит менамояд, ки ў бо забону фарҳангу завқу табъи ҳалқи тоҷик бастагии узвӣ дорад.